

родъ живеть при  
дко. Вѣдь больше  
того, что събѣ  
ходимомъ.

### ГЛАВА III.

Плаваніе черезъ пороги. Лоцманы. Волнигъ. Змѣнная скеля. Становой. Влѣв-  
ный порогъ. Плоты. Крушеніе барокъ. Кичгасъ. Мепонисты.

Пониже Ненасытецкаго порога лежитъ небольшой островокъ — *Голодайка*, песчаный и совершенно обнаженный, вслѣдствіе чего ему и дано подобное названіе, — потому что неминуемо придется голодать, если случится пристать къ негостепримнымъ берегамъ его. А баркамъ иногда приходится бросать здѣсь якорь по выходѣ изъ такого грознаго порога. Отъ этого островка видна Ненасытець чрезвычайно интересень: передъ вами весь порогъ, уступы котораго покрыты жемчужной пѣной, и рѣка, словно обфлаженная, съ необыкновеннымъ шумомъ бросается по вѣзмъ этимъ лавамъ. Влѣво пошла Воронова забора, лежащая на ходу изъ канала, весьма опасная по множеству камней, которые до того густы и неудобны для плаванія, что совершая въ 1856 году поѣздку черезъ пороги на *дубъ*, и не смотря, что на стериѣ (руль) стоялъ искусный первостатейный лоцманъ (Осипъ Шевченко), мы съли было на камень. Хотя это было и въ полѣ, однако вѣдь *дубъ* едва ли сидѣлъ въ водѣ полфута! Впрочемъ, плывя въ прошломъ году на баркѣ, я удачно прошелъ Воронову забору. Немного дальше возвышается островъ Песковатый, къ которому обыкновенно пристають барки или для починки поврежденных, или для отправки лоцмановъ къ баркамъ, оставшимся выше порога; или наконецъ, въ случаѣ «погоды», т. е. вѣтра. Островокъ этотъ тоже довольно неприютный, но высокіе песчаные берега котораго, съ сѣверо-востока опушены кустарниками, и на которомъ бродятъ иногда домашнія животныя. Противъ этого островка на



лѣвомъ берегу стоитъ деревушка, въ которой незамѣтно ни какихъ особенныхъ заведеній, но имѣется кабакъ, усердно посѣщаемый многочисленными судорабочими съ барокъ и плотовъ, собирающихся здѣсь въ значительномъ количествѣ и стоящихъ по нѣскольку дней въ случаѣ ненастья; кабакъ не можетъ остаться въ накладѣ, потому что непременно будетъ имѣть посѣтителей, не смотря ни на какія мѣры. Въ нынѣшнюю поѣздку стоялъ я на якорѣ у Песковатаго острова, потому что намъ надобно было послать вверхъ всѣхъ лопмановъ для помощи другимъ баркамъ, еще не переходившимъ порога. Возлѣ, саженьяхъ въ трехъ, остановилось судно, принадлежавшее какому-то еврею, который, ходя вечеромъ по палубѣ, громогласно говорилъ своимъ рабочимъ, что онъ рѣшительно не отпуститъ ихъ въ кабакъ, рассказывая при этомъ необыкновенно комически грѣшки своихъ рабочихъ и обращаясь ко всѣмъ сосѣдямъ, стоявшимъ на якорѣ.

—Я же не какойнибудь дурень, говорилъ еврей, размахивая руками,—я прикую *дубъ* замкомъ и ключикъ спрячу въ карманъ.

—Да развѣ мы на твои деньги выпьемъ? отозвался одинъ бѣлорусъ, поправляя войлочную шапочку и подмигивая нашимъ гребцамъ, которые сидѣли, свѣсивши ноги въ воду.

—А стозъ! не смѣй пить и на свои—вотъ и все! Да у тебя нѣтъ ни гроша, говорилъ еврей, конечно знавшій подробно финансовое состояніе своихъ судорабочихъ. А я тебѣ не дамъ.

—Просить не стану! ты себѣ какъ хошь талкуй, а мы выпьемъ: говарятъ тутича горѣлка важная.

—Развѣ вплавъ пойдешь....

—Посмотримъ, можа и поплывемъ.

Меня это очень заняло, и я рѣшился подождать развязки. Къ вечеру собрались всѣ барки, сварили кашу, и каждый послѣ трудового дня спѣшилъ уснуть, потому что на другой день предстояло еще четыре порога, да и ветать-то надо было съ развѣтомъ. Еврей сдержалъ свое слово: онъ придѣлалъ замокъ къ *дубу* и заперъ его на ключъ, который дѣйствительно положилъ въ карманъ, и отправился спать въ каюту. Это было въ десять часовъ вечера. Двое изъ его судорабочихъ подошли къ борту и безъ зазрѣнія совѣсти начали выноласкивать тутъ же небольшой пустой боченокъ. Заря уже почти погасла, но сумракъ теплой майской ночи позволялъ видѣть на порядочное разстояніе, такъ что берегъ, на которомъ стояла деревушка, обри-

совывалс  
на самуи  
ными пер  
рошо бы  
шая вв  
теченію.  
баркѣ,  
въ лодку  
нѣе прие  
дало по  
нуль пѣс  
— А  
доцки?  
— Па  
довольно  
Еврей  
въ карма  
Черезъ п  
палубѣ,  
выташил  
описыват  
но, хотя,  
привычн  
быль бо  
гой день  
рилъ одн  
регъ свое  
За пѣс  
на якорѣ  
серебрян  
словно то  
его слова  
розданы  
приобрѣл  
вскорѣ по  
новая.  
За Пес  
торому сл  
зачьему хо



совывался довольно явственно. Одинъ изъ судорабочихъ взошелъ на самую оконечность чердака и свиснулъ съ какими-то особенными переливами. Не прошло пяти минутъ, какъ уже очень хорошо была видна лодка, отдѣлившаяся отъ берега и забиравшая вверхъ, конечно съ намѣреніемъ спуститься къ намъ по теченію. Дѣйствительно очень скоро она пристала къ еврейской баркѣ, изъ которой вылезъ мальчикъ съ боченкомъ, пересѣлъ въ лодку и она живо начала подыматься вверхъ, чтобы удобнѣе пристать къ берегу. Рабочій, на котораго больше всѣхъ падало подозрѣніе, сѣлъ поближе къ хозяйской каютѣ и затянулъ пѣсню.

— А ты не спишь? отозвался еврей, и зацѣмъ не пьешь водочки?

— Пагади, ня время, отвѣчалъ рабочій и продолжалъ свою довольно нелѣпую пѣсню.

Еврей должно быть успокоился и, вѣроятно, ощулавъ ключъ въ карманѣ, предался сладкому сну въ своей грязной каютѣ. Черезъ полчаса, или того менѣе, боченокъ снова появился на палубѣ, былъ выпить, и человекъ семь, усѣвшись на чердакѣ, вытащили откуда-то скрипку и пошелъ пиръ горой. Не стану описывать бѣшенства еврея, но помочь горю было уже невозможно, хотя, собственно говоря, бѣды никакой не было, потому что привычный народъ, послѣ двухъ или трехъ-часоваго сна снова былъ бодръ и веселъ, и совершенно годенъ къ работѣ. На другой день я узналъ, что рабочій, распѣвавшій пѣсни, подготовилъ одного крестьянина подать лодку, когда отвозилъ на берегъ своего еврея.

За нѣсколько дней до моей поѣздки одинъ лоцманъ, стоявшій на якорѣ съ плотомъ у Песковатаго острова, нашелъ на песокѣ серебрянный рубль 1752 г., сохранившійся такъ превосходно, словно только что отчеканенъ, и нѣсколько пуль. Все это, по его словамъ, лежало вмѣстѣ. Пуль я не видалъ, потому что онѣ розданы были мальчишкамъ на подвѣски для удочекъ, а рубль я приобрѣлъ отъ лоцмана. Монета эта, вѣроятно, была утеряна вскорѣ по выходѣ изъ монетнаго двора, потому что совершенно новая.

За Песковатымъ островомъ идетъ другой фарватеръ, по которому слѣдуютъ суда, плывущія черезъ порогъ по старому козачьему ходу,—но тамъ ихъ ожидаетъ Кривая забора. Замѣча-



тельно, что, не доходя до этого острова, Днѣпръ какъ бы пропадаетъ изъ глазъ путешественника: незнающему мѣстности неизвѣстно куда онъ имѣетъ направленіе. Рѣка здѣсь дѣлаетъ крутой поворотъ вправо, мимо деревни Свистуновой, лежащей на лѣвомъ берегу и не имѣющей значенія ни въ какомъ отношеніи. Близость судоходной рѣки не оказываетъ на нее вліянія, что и можно замѣтить, по отсутствію пристани. Отъ каменскаго лоцмана я узналъ, что лѣтъ 25, а можетъ быть и 30 назадъ, въ этой деревнѣ, противъ Халявина камня, находящагося въ Кривой заборѣ, найденъ былъ на берегу скелетъ, на головѣ котораго находился золотой сосудъ! Не корона ли? Но какъ это было, куда дѣвалась находка? лоцманъ (Яковъ Сохачъ) не умѣлъ мнѣ рассказать; притомъ же онъ самъ не видѣлъ, а только слышалъ отъ кого-то изъ товарищей. Обо всѣхъ этихъ находкахъ упоминаю собственно для того, чтобы показать какъ важны пороги въ археологическомъ отношеніи, хотя, конечно, это и безъ меня извѣстно. Тамъ и сямъ на горахъ подъ Днѣпромъ виднѣются курганы, изъ которыхъ иные довольно значительны, и нѣтъ сомнѣнія, что тщательное ихъ изслѣдованіе приведетъ къ замѣчательнымъ результатамъ.

Миновавъ Кривую забору, барка продолжаетъ плаваніе почти спокойное, несомая довольно быстрымъ теченіемъ. Направо и налѣво берега становятся болѣе и болѣе красивы, и туристы имѣетъ много времени наблюдать своихъ спутниковъ. На баркѣ непремѣнно встрѣчается нѣсколько племенъ: великорусское въ качествѣ хозяина или прикащика; зачастую старообрядцевъ съ Вятки; малорусское, представителями котораго лоцманъ; бѣлорусское—судорабочіе, и еврейское—тоже въ лицѣ хозяина или прикащика. Но вниманіе всѣхъ обращено на главнаго лоцмана, распоряженія котораго исполняются тотчасъ и безпрекословно. Я плылъ на баркѣ, которую велъ первостатейный лоцманъ Яременко. Это кроткій и тихій старикъ съ очень умнымъ лицомъ, съ пронзительными живыми глазами. При видѣ его въ первый разъ, смотря на его медленные движенія, слыша тихій говоръ, вы никогда не могли бы подумать, что этотъ человѣкъ въ минуту потребности ловокъ, быстръ, смѣлъ и что тихій говоръ его переходитъ въ голосъ стентора, заглушающій иногда шумъ порога. Такова натура истаго малоруса. Яременко замѣчательнѣе тѣмъ, что лаконизмъ, свойственный его племени, доведенъ у него до высшей

степени  
можно  
очень  
пить  
виду  
было  
когда  
барка  
ду ст  
раша  
не от  
сивые  
съ их  
употр  
же у  
нямъ,  
котор  
Мн  
чител  
напере  
гополу  
бываю  
къ суд  
ся въ  
шую д  
и уже  
чаю),  
лоцман  
Хотя о  
Яремен  
управле  
выбѣжа  
сний ло  
— У  
— Д  
— М  
Когда  
пріатель  
— Ж



степени, но лаконизмъ его имѣть какую-то образность, если можно такъ выразиться: изъ разсказа его въ нѣсколько фразъ въ очень ясно представляете себѣ даже многія подробности. Онъ не пьетъ водки. Снявшись съ якоря въ 4 часа утра, мы имѣли въ виду много верстъ плаванія, и во все это время, ему невозможно было отойти отъ стерна. Я постоянно сидѣлъ возлѣ Яременка и когда онъ командовалъ *шабаш* и гребцы переставали грести, а барка плавно неслась по фарватеру, я тотчасъ же предлагалъ дѣду стаканъ чаю, что ему очень нравилось, и онъ раза три, обращаясь къ лоцманамъ, увѣрялъ ихъ, что это лучше водки. Тѣ не отвѣчали ни слова, но по ихъ улыбка, приподымавшей красивые усы, видно было, что замѣчаніе *батяка* не соглашалось съ ихъ убѣжденіями. Въ Малороссіи чай не скоро войдетъ въ употребленіе между простонародьемъ: самоваръ рѣдко водится даже у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, въ особенности по деревнямъ,—но и то чай подается какъ экстренное угощеніе за и предъ которымъ непосредственно слѣдуетъ штофъ національной горѣлки.

Мнѣ очень нравится одно лоцманское обыкновеніе. Когда случится судну обогнать другое, или плыть мимо плотовъ, лоцмана наперерывъ спѣшатъ снять шапку, поздороваться и пожелать благополучнаго пути другъ другу. Мнѣ кажется, что при этомъ забываются даже небольшія личныя неудовольствія; а что участіе къ судьбѣ собрата-лоцмана велико, то я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Во время нашего прохода въ Ненасытцѣ было большую лѣсную барку (на которой наканунѣ я хотѣлъ отправиться и уже перевезъ на нее свои вещи, но не пошелъ по одному случаю), находившуюся подъ вѣдѣніемъ одного изъ искуснѣйшихъ лоцмановъ, къ сожалѣнію, любимаго моего лоцмана О. Шевченко. Хотя онъ былъ за *дядю*,—однако на немъ лежитъ отвѣтственность. Яременко узналъ товарища и, не смотря, что самъ занятъ былъ управленіемъ судна,—не переставалъ соболѣзновать. Когда мы выбѣжали изъ порога, я спросилъ его мнѣнія—отчего такой искусный лоцманъ подвергся крушенію въ такую тихую погоду.

— Ухопивъ (схватилъ) *Крутько*.

— Да какъ же онъ не управилъ?

— Мабуть дуже грузно.

Когда мы бросили якорь и вблизи насъ остановился тоже мой пріятель Малтызь, лихой лоцманъ, первымъ его словомъ ко мнѣ было:

— Жалко Юсипа, мабуть учепивъ *Крутько*.



И когда вечеркомъ собрались лоцманы со многихъ барокъ потолковать, то нерѣдко въ ихъ кружкѣ слышалось: жалко Юсина. Они разсуждали такимъ образомъ, что ошибки предполагать нельзя со стороны кормчихъ. Барка дѣйствительно поручена молодому лоцману. Но къ нему приданы два дяди: Шевченко и другой первостатейный лоцманъ, если не ошибаюсь, Летючій. Барка имѣла болѣе 24 саж. длины и была нагружена лѣсомъ, сверхъ котораго стояло около 50 экипажей, отправлявшихся въ Херсонъ для продажи. По мнѣнію всѣхъ, причиною былъ *Крутько*. Этотъ камень, о которомъ я говорилъ уже во II главѣ, по сказанію лоцмановъ, одинъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ въ порогѣ, и кажется, не мѣшало бы взорвать его, тѣмъ болѣе, что старый козачій ходъ, — ходъ офиціальнѣй въ время прибыл воды, когда уже нѣтъ возможности плыть по каналу.

Тринадцатый веретный переходъ отъ Ненасытца до Волнига даетъ средство собраться съ духомъ самому трусливому путнику, потому что не представляетъ никакой опасности, исключая разумѣется многихъ камней, но которые извѣстны каждому порядочному лоцману. Но вотъ вправо, на полугорѣ, показывается деревня Волниги, съ своими избами, построенными среди каменныхъ глыбъ, и возлѣ нея перекинулся чрезъ Днѣпръ одинъ изъ грознѣйшихъ послѣ Ненасытца пороговъ — Волнигъ. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ — Волнигской, по изслѣдованіямъ къ объясненію Древней Россійской Исторіи Лерберга — Волный или Волнинскій, по Древней Россійской Пдрографіи — Волнѣгъ, а у Константина Багрянороднаго по славянски *Вульнипрагъ*, а по русски *Баруфоросъ* (?). Лоцмана называютъ его еще *внукомъ*. Въ немъ четыре лавы: Близюки, Плоская, Гроза и Помийныці (помойная лохань). Въ этой лавѣ камни очень похожи на этотъ сосудъ и падающая на нихъ вода какъ будто бы цѣдится въ лохань. Длина порога 150 саж., паденіе 5 футовъ 7 дюймовъ.

Фарватеръ его не весьма широкъ и потому представляетъ много опасности и требуетъ отъ лоцмана вниманія, снаровки и разумѣется присутствія духа.

— Гребемъ! командуетъ онъ, положивъ руку на стерно, рядомъ со своимъ помощникомъ, и устремляетъ неподвижный взоръ впередъ, чтобы между всплесками буруновъ первой лавы попасть на центръ фарватера. Быстрота рѣки значительно увеличивается, а онъ командуетъ:

— И  
И бо  
ся слов  
— И  
Вол  
пробѣж  
водово  
ходятъ  
вори.ль  
Волниг  
жется,  
къ пле  
нигъ,  
хота ни  
всякую  
замѣтил  
мнѣ при  
заранѣе)  
волненіе  
малорус  
овечья  
ніе. Кон  
но въ дѣ  
ніями мѣ  
какія ни  
Канале  
его въ с  
онъ устр  
лѣвой стѣ  
шенія. Э  
ватерѣ.  
Деревня  
лоратови  
горы, меж  
ма затруд  
го, что въ  
чествѣ как  
ють никак  
цвѣтають р



— Навались! Шамни!

И когда уже пороговое стремление подхватило барку, раздаются слова лоцмана:

— Шабашъ! Къ стерну!

Волнигъ довольно грозенъ, и барка сильно скрипитъ, пока пробѣжитъ чрезъ все его лавы; въ немъ существуетъ опасный водоворотъ. При выходѣ изъ порога рѣка расширяется и на ней ходятъ постоянно большія волны, вслѣдствіе чего, какъ говорилъ мнѣ одинъ инженеръ путей сообщенія, и порогъ названъ Волнигомъ. Я не отвѣчалъ ничего на это замѣчаніе, но мнѣ кажется, что люди, давшіе названіе этому порогу, принадлежатъ къ племени, у котораго волна имѣетъ свое особое названіе. Волнигъ, по моему, не могъ получить названія отъ слова волна, хотя ниже этого одного порога замѣтно особенное волненіе во всякую погоду. Прислушиваясь къ говору мѣстныхъ жителей, я замѣтилъ, что деревню свою называютъ они *Вовниги*, и вотъ мнѣ пришла мысль (можетъ быть и невѣрная, въ чемъ каюсь заранѣе), что дѣйствительно этотъ порогъ могъ быть названъ по волненію, но не потому, что здѣсь играетъ роль слово волна (по малорусски *хвыля*), а потому, что всплески эти кудрявы какъ овечья шерсть—*вовна*: вѣдь малорусь мѣтко даетъ всему названіе. Конечно я далекъ отъ мысли, что мнѣніе мое безошибочно, но вѣдь до сихъ поръ такъ еще мало занимались у насъ названіями мѣстностей, что мнѣ хотѣлось бы вызвать эту догадкою какія нибудь дѣльныя замѣчанія.

Каналь Волнига, по единодушнымъ отзывамъ людей, знающихъ его въ совершенствѣ, неудобнѣе всѣхъ пороговыхъ сооружений: онъ устроенъ какъ-то такъ странно, что дно его наклонено къ лѣвой стѣнкѣ, а при подобномъ положеніи трудно избѣжать крушенія. Этотъ каналъ тоже лежитъ у лѣваго берега—не на фарватерѣ.

Деревня Волниги или Вовниги, принадлежащая помѣщику Милорадовицу, какъ уже сказалъ я выше, построена на покатоности горы, между каменными глыбами, такъ что проѣздъ по ней весьма затруднителенъ. Объ этой деревнѣ сказать нечего исключая того, что въ порогѣ ловятся осетры, хотя и не въ такомъ количествѣ какъ въ Ненасытцѣ. Вообще села надъ порогами не имѣютъ никакого значенія: промышленности никакой, и только процвѣтаютъ развѣ *шинки* (кабаки), и то болѣе по праву берегу, по-



тому что по этой дорогѣ возвращаются лоцмана и добавочные. Мнѣ кажется, впрочемъ, Волниги примутъ иной видъ при нынѣшнемъ помѣщикѣ, съ которымъ я имѣлъ случай недавно познакомиться. Несмотря, что этотъ молодой человекъ еще въ военномъ мундирѣ, онъ на свое имѣніе смотритъ опытнымъ взоромъ, словно всю жизнь занимался сельскимъ хозяйствомъ. Онъ уже занимается сплавомъ лѣсу съ верхнихъ пристаней, потому что самъ имѣетъ въ Черниговской губерніи значительные лѣса, и какъ кажется, намѣренъ улучшить Волниги, которые, правду сказать, находятся въ довольно жалкомъ положеніи. Не знаю я управляющаго какъ администратора, но знаю, что несмотря на генералъ-губернаторскій открытый листъ, онъ мнѣ не хотѣлъ дать помѣщенія ни въ одной крестьянской избѣ и располагалъ даже отказать въ обывательскихъ лошадяхъ. Я долженъ сказать откровенно, что путешествующаго по нашимъ захолустьямъ ожидаютъ большія затрудненія. Въ ненасытный осенній вечеръ я долженъ былъ около часу блуждать по Волнигамъ, пока нашелъ себѣ пріютъ у какой-то убогой старушки. Конечно, начальство Новороссійскаго края было очень внимательно и изъ уваженія къ моему порученію сдѣлало все, что отъ него зависѣло, снабдивъ меня бумагами и сдѣлавъ распоряженіе объ оказываніи мнѣ содѣйствія. Въ казенныхъ селахъ участь моя нельзя сказать, чтобы достойна была сожалѣнія, но въ иныхъ помѣщичьихъ испытываешь различныя неудобства. «Намъ, говорятъ, не слѣдуетъ отправлять на своихъ лошадяхъ чиновниковъ; перемѣна лошадей дальше». Я всѣми силами стараюсь увѣрять, что не имѣю чести называться чиновникомъ, а за лошадей плачу прогоны по положенію. Вообще на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на меня смотрятъ какъ-то очень подозрительно и стараются быть какъ можно осторожнѣе. *Шинокъ* по праздникамъ представляетъ самое обильное поле для изслѣдованій этнографа, и я иногда отправляюсь въ это заведеніе, гдѣ нерѣдко присутствуютъ представители всѣхъ партій сельскаго міра. Здѣсь мнѣ попадаются и интересныя пѣсни, вызванныя веселымъ расположеніемъ духа, которыхъ я не могъ слышать въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же раскрываются за лишней чаркой всѣ подробности быта, которыя непременно ускользнутъ при всѣхъ прочихъ условіяхъ. У порога шинка иногда веселая молодежь, лѣтнимъ вечеромъ, танцуетъ подъ звуки скрипки туземнаго маэстро. Мнѣ это ставится въ большую вину: «вмѣсто того, чтобы заняться образо-

ванной  
шинка  
дывать  
образо  
больш  
мнѣ пр  
жели п  
травил  
своего  
гаю, ч  
грубой  
феодал  
ся физі  
въ въ н  
За В  
растител  
растуть  
за нѣск  
венно пр  
шись въ  
рега. Пя  
и вотъ п  
Днѣпровс  
изслѣдова  
берга—Б  
графіи—  
Веручи, а  
ными ска  
сты. Длин  
немъ двѣ  
мановъ, по  
лѣваго бер  
накожъ и  
бить барку  
этого поро  
зомъ: прощ  
Будило раз  
Языкова (о  
скуль. Мѣст



ванной бестдой въ кругу порядочныхъ людей, онъ ходитъ по шинкамъ и за панибрата съ мужиками». Я считаю лишнимъ оправдываться противъ этихъ обвиненій. У каждаго свои понятія объ образованной бесѣдѣ, о порядочномъ кругѣ и о мужикахъ. Я съ бѣльшимъ удовольствіемъ послушаю разумнаго мужика, когда онъ мнѣ просто рассказываетъ о своей вчерашней рыбной ловлѣ, нежели инаго барина, который съ жаромъ опишетъ мнѣ какъ онъ травилъ русаковъ и какъ собственноручно *отвалалъ* главнаго своего охотника, который, *ракаля*, прозѣвалъ лисицу. Я полагаю, что не потеряю моего достоинства, коснувшись пріятельски грубой руки простолюдина, но господинъ, предающійся своимъ феодальнымъ привычкамъ, и рука котораго въ пылу гнѣва касается физиономіи ближняго, можетъ быть названъ порядочнымъ развѣ въ южныхъ штатахъ Америки.

За Волнигомъ природа дѣлается живописнѣе. Горы опушены растительностью. Хотя конечно это не лѣсная природа, и деревья растутъ лишь по берегу, однако глазу путника нѣтъ дѣла, что за нѣсколько десятковъ сажень голая, сухая степь, а необыкновенно пріятно смотрѣть какъ береговья рощи, словно опрокинувшись въ Днѣпръ, отгнѣняютъ зеленью причудливыя неровности берега. Пятиверстное разстояніе барка проплываетъ довольно скоро, и вотъ шумитъ Будилевскій порогъ. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ онъ такъ и называется Будилевскимъ, по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга—Будильскій или Будинскій, по древней Россійской Идрографіи—Будило, а у Константина Багрянороднаго по славянски Веручи, а по русски *Леанти* (?). Здѣсь рѣка стѣснена гранитными скалами, тянущимися по обоимъ берегамъ почти съ полверсты. Длина порога 105 сажень, паденіе 4 фута 10 дюймовъ. Въ немъ двѣ лавы: Тырина и Созонова, названныя по именамъ лоцмановъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Каналь не на фарватерѣ, а у лѣваго берега. Порогъ этотъ хотя и считается неопаснымъ, однакожь и въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ, очень легко разбить барку, если итти невнимательно. Происхожденіе названія этого порога лоцманъ Яременко объяснилъ мнѣ слѣдующимъ образомъ: прошелъ Дѣда и Внука, однако не ложись спать, а не то Будило разбудитъ. Пониже, на правомъ берегу стоитъ деревня Языкова (официально Ѳедоровка), принадлежащая графинѣ Коскуль. Мѣста живописны, но барки здѣсь не имѣютъ никакой



надобности останавливаться, и идутъ большею частью на шабашахъ по теченію. Народъ впрочемъ живетъ хорошо, а рыболовствомъ занимается лишь для своего обиходу. Немного странно мнѣ было видѣть однакоже эту красивую и не бѣдную деревню, лишенную лучшаго сельскаго украшенія: церкви. Село не малое, легко могущее составить хорошей приходъ, а между тѣмъ жители его должны отправляться къ обѣднѣ вереть за шесть или за семь, въ Бырдину. Возлѣ этой же деревни недалеко лежитъ Таволжанская гряда, названная порогомъ въ изслѣдованіи къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга.

Пройдя Языкову, барка принимается за весла и огибаетъ большой островъ Таволжаный (названный у Боплана Таволжаномъ), покрытый хорошою растительностью, съ довольно высокими берегами. Пройдя этотъ островъ, я отправился на Таволжаный. Дѣйствительно озеро существуетъ въ обрывистыхъ берегахъ, и, какъ говорятъ, рыбное. Въ Языковой мнѣ рассказывали впрочемъ, что не далѣе какъ прежній владѣлецъ напускалъ туда рыбы и такимъ образомъ развелъ ее. Огибая таволжанскій островъ, барка дѣлаетъ усилія держаться ближе къ его берегу, чтобы не зацѣпиться о *Змѣиную скелю*. Это отдѣльный утесъ, брошенный въ Дибирь у самаго лѣваго берега и придающій мѣстности какой то дикій колоритъ. Название Змѣиной скелю всегда возбуждало мое любопытство и прошлый годъ, плывя первый разъ черезъ пороги, я останавливался возлѣ нея и лазилъ въ пещеру, входъ въ которую въ лѣтнее время не залитъ водою. По рассказамъ лоцмановъ, въ этой скалѣ жилъ когда-то змѣй, именно въ описанной пещерѣ, которая будто бы послѣ разныхъ изгибовъ выходитъ на верхъ утеса. Въ настоящее время она небольшая и весьма низкая. Меня однакоже не удовлетворило это весьма краткое и голое преданіе. Прошлою осенью и нынѣшнею весною, проживая на порогахъ, я продолжалъ мои разспросы какъ у лоцмановъ, такъ и у береговыхъ жителей, и хотя собранныя мною свѣдѣнія тоже довольно бѣдны, однако все же даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, что въ прежнія времена баснословныя преданія объ этой скалѣ имѣли размѣры гораздо обширнѣе. Когда-то въ ней жилъ змѣй-царь, у котораго была дочь красавица. Змѣй о трехъ головахъ берегъ свою дочку, чтобы она не полюбила какого нибудь *Русскаго царевича*, и однакожъ



не уберечь, потому что красавица уплыла съ какимъ-то витаземъ внизъ по Днѣпру въ Черное море. Съ тѣхъ поръ змѣй сдѣлался свирѣпѣе, и каждый день вылеталъ куда нибудь въ окрестность за новою жертвою. Это преданіе древнее, а новѣйшія говорятъ, что на скалѣ множество змѣй, длиннѣе обыкновенныхъ, очень свирѣпыхъ, и будто бы лѣтъ тридцать назадъ небезопасно было входить въ пещеру, а тѣмъ болѣе взбираться на верхъ. Любопытство туриста заставило меня вскарабкаться на Змѣиную скалю. Это было очень недавно, слѣдовательно змѣи могли бы разгуливать по своему владѣнію, однако въ теченіе полчаса мы не встрѣтили тамъ ни одного пресмыкающагося. Пещаль я и выхода знаменитой пещеры, но и того не оказалось. Есть два углубленія, похожія на слѣды человѣческаго жилища, но это уже безъ всякаго сомнѣнія землянки какихъ нибудь лугарей. А между тѣмъ Н. Надеждинъ, говоря объ островѣ Хортицѣ и предполагая здѣсь кладбище скиоскихъ царей, продолжаетъ: «Святѣня этого мѣста не возвышалась еще и тѣмъ, что здѣсь же, по всей вѣроятности, полагалась мионическая колыбель Скиоовъ, та таинственная пещера, въ которой, по сказанію понтійскихъ еллиновъ, переданному Геродотомъ (IV, 8—10), родились Агафиръ, Генонъ и Скиоъ, отъ героя Иракла и прелестной Змѣи двицы, и которая находилась, какъ говоритъ тоже преданіе, въ отдаленномъ углу Гилеи, куда Иракль достигнулъ не прежде, какъ прошедши всю землю Скиоскую съ запада. (Записки Одес. общ. Исторіи и Древностей, Т. I, стр. 84—85). Принявъ во вниманіе это извѣстіе и то обстоятельство, что на порогахъ двѣ змѣиныя пещеры (М. Сб. 1857, № 9, часть неоф., стр. 20), нельзя не предполагать, чтобы въ прежнія времена не существовала какая нибудь любопытная легенда, которая вѣроятно исчезла еще весьма недавно.

Отсюда идутъ мѣста чрезвычайно живописныя, и попадаетея много острововъ, а по берегу, въ особенности по правому, виднѣются небольшія деревеньки, Онѣ такъ и пошли одна почти влѣзъ другой. Плаваніе чрезвычайно пріятно, и при видѣ чистыхъ хатъ и помѣщичьихъ домиковъ, стоящихъ надъ скалами, является мысль о какой-то идиллической жизни. Но полно такъ ли?—Здѣсь существуетъ одинъ островъ голый, съ весьма небольшимъ количествомъ деревьевъ, замѣчательный тѣмъ, что два сосѣда ведутъ о немъ процессъ, и кажется, на это дѣло столько уже из-



держали денегъ, что можно бы каждому купить порядочное имѣніе. Любопытно знать, кто изъ нихъ выиграетъ островъ, который конечно не можетъ приносить ровно никакого дохода. Будь онъ лѣсистый, слова нѣтъ, что представлялъ бы выгоду владѣльцу, а въ настоящемъ положеніи нарубятъ развѣ нѣсколько возовъ дровъ и то, если не разсердится когда нибудь Днѣпръ, и не унесетъ той части, на которой растутъ кустарники.

Подходя къ деревнѣ Пѣхотинскаго, барка огибаетъ мысъ Быстрикъ, минуя Аврамовъ островъ. Барки, идущія старымъ ходомъ, держатся близко праваго берега и выплываютъ на очень красивую мѣстность. У деревни Бырдиной Днѣпръ расширился и покрытъ тѣнистыми островами. Домъ помѣщика стоитъ надъ самой стремниной, и въ немъ прошлый годъ жилъ на дачѣ становой приставъ, станъ котораго верстахъ въ 15, въ селѣ Томаковкѣ. Любви этого становаго къ охотѣ и дачной жизни я обязанъ тѣмъ, что избавился отъ одной непріятности. Надобно знать, что осенью прошлаго года, возвращаясь снизу сухимъ путемъ вверхъ, для того, чтобы пожить въ прибрежныхъ деревняхъ у пороговъ, я не зналъ, гдѣ мѣняются обывательскія лошади. Изъ Кичкаса меня отправили въ Кронцвейнъ, а изъ этой колоніи дали лошадей до Бырдиной. Пріѣзжаю. Деревенька небольшая, овражистая и разбросанная на большомъ разстояніи. Послѣ многихъ разспросовъ мнѣ удалось узнать, что близъ господскаго двора живетъ подпоручикъ, завѣдующій подводами. Я отправился съ открытымъ листомъ требовать лошадей до Языковой. Въ простой избѣ на какомъ-то подобіи кровати лежалъ подпоручикъ съ больною ногою... Послѣ обычныхъ разспросовъ подпоручикъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ Бырдиной лошадей нѣтъ и никогда не бывало и что подъ этапъ даются волы, но и тѣхъ мнѣ придется ждать до завтра, потому что отправленъ большой транспортъ арестантовъ. Мнѣ такъ хотѣлось быть поскорѣе у себя, хотя бы въ самой бѣдной избушкѣ. Былъ часъ второй пополудни и начинали собираться предательскія октябрьскія тучи.

— Какъ же мнѣ быть? нельзя ли попросить у помѣщика?

— Помѣщика здѣсь нѣтъ. Да у васъ откуда лошади?

— Изъ Кронцвейна.

— Ахъ канальи! Эти колонисты всегда такъ. Да вы вотъ что: Нѣмца по шеѣ и онъ отвезетъ дальше, и вмѣсто прогоновъ покажите ему шишъ; вѣдь вы по казенной надобности.

Объяснивъ подпоручику неудобство подобнаго распоряженія,

я узнал  
немедлен  
молку,  
и выше  
покури  
энергич  
меня да  
языка;  
но став  
мой воз  
изъявил  
я дамъ  
женіе,  
пребыва  
будущи  
тельное  
емъ. В  
балкѣ,  
ный уг  
но на  
довать,  
Полага  
свѣтъ  
Парохо  
довольн  
излиши  
съ горь  
сколько  
рискова  
одинъ  
вую до  
выгоднѣ  
но, что  
лѣе, что  
морскій  
не встр  
обязанн  
подъ по  
рицател



я узналъ отъ него, что здѣсь живетъ становой, къ которому я немедленно и отправился. Выслушавъ меня, становой надѣлъ ермолку, что вмѣстѣ съ халатомъ придавало ему внушающій видъ, и вышелъ со мною къ воротамъ, гдѣ нѣмецъ, стоя возлѣ фургона, покуривалъ свою трубочку. Предпославъ прежде весьма крупную энергическую фразу, становой началъ приказывать нѣмцу отвезти меня дальше, но нѣмецъ притворился непонимающимъ русскаго языка; я тотчасъ же хотѣлъ вступитъ въ должность переводчика, но становой величественно показалъ нѣмцу увѣсистый кулакъ, и мой возница въ одинъ моментъ, на плохомъ малорусскомъ языкѣ изъявилъ готовность отвезти меня въ Языкову за прогоны, и если я дамъ ему на водку. Поблагодаривъ грознаго чиновника за одолженіе, я отправился дальше. Но деревенька эта знаменита не пребываніемъ становаго, не тѣмъ, что она бѣдна и ободрана, а будущностью, которая предстоитъ ей, если окажется въ дѣйствительности то, что покуда можно назвать лишь однимъ предположеніемъ. Въ одномъ изъ овраговъ, тянущихся отъ Днѣпра вверхъ по балкѣ, найдены куски *каменнаго угля*. Это не бездѣлица. Каменный уголь настоящій—только не могу ничего сказать утвердительно на счетъ величины пласта, потому что некому было его изслѣдовать, хотя, какъ говорятъ, «этотъ камень давно попадается». Полагая, что прежде моей статьи открытіе это не выйдетъ на свѣтъ Божій, я и спѣшу объявить его, и думаю, что Общество Пароходства и Торговли обратитъ на него вниманіе. Если угля довольно, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, то и говорить будетъ излишнимъ, какъ драгоценна эта находка для Общества: прямо съ горы брать уголь и наваливать на барку на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень. Если бы даже покупщики не хотѣли рисковать переправой груза чрезъ два порога, изъ которыхъ одинъ (Лишній) весьма безопасенъ, тогда можно устроить береговую дорогу до Гадючей балки. Разумѣется, этотъ уголь будетъ и выгоднѣе англійскаго и дешевле донскаго антрацита. Желательно, чтобы это обстоятельство разъяснено было скорѣе, тѣмъ болѣе, что отсюда же можетъ снабжаться топливомъ и нашъ черноморскій флотъ, ибо доставка угля отсюда въ Николаевъ водою не встрѣтитъ никакого затрудненія. Я спрашивалъ людей, по обязанности занимавшихся днѣпровскими берегами, нѣтъ ли гдѣ подъ порогами присутствія каменнаго угля, но миѣ отвѣчали отрицательно. Между тѣмъ управляющій имѣніями г. Струкова обѣ-



щаль попробовать этот уголь на своей суконной фабрике, действующей посредством паровой машины (въ с. Тарасовкѣ, верстахъ въ 50 отъ Бырдиной). Если действительно окажется огромный пластъ угля, тогда, безъ сомнѣнія, жалкая деревушка превратится въ цвѣтущее село, а лѣтняя резиденція становаго пристава преобразится въ хорошенькій домикъ, потому что мѣстоположеніе прелесть. Противъ домика островъ Клобуковскій, далѣе къ лѣвому берегу Кухарскій и Гавинь, но барки идутъ у праваго берега, оставляя влѣво островъ Лантуховскій, на которомъ водятся дикія козы. Говоря откровенно, самъ я дикихъ козъ не видѣлъ, но слышалъ о нихъ отъ лоцмановъ и кичкасовскихъ нѣмцевъ.

Рѣка здѣсь стѣняется до 500 сажень и пересѣкается наискось грядою камней. Лишній порогъ названъ такъ и по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга—Лишній, по древней Россійской Идрографіи—Лична, а у Константина Багрянороднаго по славянски Напрези, по русски Струвунь (?). Въ немъ двѣ лавы: Плоская и Швайчина. Въ срединѣ его образовался утесистый островокъ Кучугурскій. Длина порога 105 сажень, паденіе 5 фута 5 дюймовъ. На немъ тоже сдѣланъ каналъ. Лишній порогъ барки проходятъ почти спустя рукава, ибо въ большую воду онъ совершенно безопасенъ, а въ умѣренную тоже проходятъ суда безпрепятственно, избѣгая лишь одинъ камень Швайку, который пользуется дурною славою. Пройдя этотъ порогъ, я вздумалъ было посмѣяться надъ нимъ и обратился съ какою-то шуткою къ лоцману, который зорко смотрѣлъ впередъ по обычаю. Старикъ покачалъ головою и сказалъ, что не только не слѣдуетъ шутить съ порогомъ, но даже съ самымъ дряннымъ камнемъ, что не говоря уже объ обязанности лоцмана всегда быть на сторожѣ, *пороги не любятъ, если надъ ними издѣваются.*

Пройдя Лишній, остается въ виду въ 5½ верстахъ одинъ только порогъ Вильный, довольно большой и опасный. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ онъ значится Вильный, по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга—Вольный, по древней Россійской Идрографіи—Вольной, у Константина Багрянороднаго не показанъ. Рѣка здѣсь быстра, и далеко слышенъ гулъ послѣдняго водопада. Названіе этого порога многимъ бросается въ глаза, потому что все, за исключеніемъ простолюдиновъ, полагаютъ, что должно произносить Воль-

ный. Но т  
вольный п  
Если отно  
предполож  
это будет  
Кичкаса  
ся вильны  
лагательн  
что фарва  
идущій з  
бы мое м  
этого же  
змѣя. Въ  
рейма, Во  
1 сажень.  
Подход  
рега и ба  
рога, и з  
ему болѣе  
въ самомъ  
снова нап  
то поворач  
ать три о  
дѣйствиел  
горло прох  
ней замѣча  
берега, то  
ра. Тамъ  
роговъ. У  
которой пл  
лоцманами  
острова Хо  
По выхол  
благополуч  
жетъ преда  
еще сказать  
Мѣстность  
хода тянется  
видѣются д



ный. Но тогда, дѣйствительно, какой же будетъ смыслъ въ словѣ вольный порогъ? На какомъ основаніи онъ *свободный* порогъ? Если относительно прохода судовъ, то онъ далеко отъ этого; если предположить что здѣсь не нападали печенѣги, то предположеніе это будетъ неправдоподобное, ибо они сторожили пловцовъ до Кичкаса. Прилагательное вольный, по малорусски не произносится *вильный*. Мнѣ кажется, дѣло объясняется само собою: прилагательное *вильный* происходитъ отъ глагола *вильять*, потому что фарватеръ этого порога, единственный во всѣхъ порогахъ идущій зигзагомъ; я не рѣшился бы на это производство, если бы мое мнѣніе не находило подкрѣпленія въ другомъ названіи этого же порога: *гадючій* (змѣиный), т. е. извивающійся какъ змѣя. Въ немъ шесть лавъ: Сиренькая, Похилая, Рядовая, Перейма, Волчье Горло и Шинкарева. Длина 450 сажень, паденія 1 сажень, 10 дюймовъ.

Подходя къ Вильному порогу, лоцманъ держитъ у праваго берега и барка сама собою по теченію входитъ въ фарватеръ порога, и здѣсь уже требуется необыкновенное искусство, по моему болѣе чѣмъ во всѣхъ Днѣпровскихъ порогахъ. Лоцманъ вдругъ въ самомъ порогѣ круто поворачиваетъ налѣво, потомъ держитъ снова направо и, почти достигнувъ праваго берега, опять круто поворачиваетъ налѣво. Здѣсь, при выходѣ изъ порога, стоятъ три отдѣльныя гранитныя скалы, называемыя Волчье Горло, дѣйствительно имѣющія видъ разверзтой пасти; но чрезъ это горло проходятъ плоты во время мелководья. Изъ большихъ камней замѣчательнѣе *корабль*. Каналь, устроенный у самаго лѣваго берега, тоже избѣгается по причинѣ удаленія его отъ фарватера. Тамъ же стоитъ каменный столбъ, означающій границу порога. У праваго берега пристань, называемая Гадючею, до которой плоты берутъ лоцмановъ, но суда идутъ съ каменскими лоцманами не только до Кичкаса, а болшею частію даже до острова Хортицы.

По выходѣ изъ Вильнаго порога слѣдуетъ краткая молитва о благополучномъ переходѣ, и хозяинъ, нѣкоторымъ образомъ, можетъ предаваться надеждѣ на сохраненіе своего судна. Но нельзя еще сказать, чтобы всѣ опасности были кончены.

Мѣтность очень красива, и рѣка суживается. Влѣво отъ хода тянется большой островъ. Подальше, на томъ же берегу, видѣются деревни; направо тоже, но надъ самымъ Днѣпромъ



идеть помѣщичья усадьба и стоит хорошенькій домикъ, перешед-  
 шій нынѣ во владѣніе одного колониета. Пониже Гадючей балки, лоц-  
 мань сдѣлалъ одинъ крутой поворотъ, и я замѣтилъ забору. Яре-  
 менко мнѣ объяснилъ, что иные эту забору называютъ Явленнымъ  
 порогомъ, и на мой вопросъ: отчего же онъ такъ названъ, ста-  
 рикъ мнѣ разказалъ преданіе. Когда-то какой-то лоцманъ, а  
*можетъ и просто запорожецъ*, пройдя благополучно все пороги,  
 завалился спать; но вдругъ проснулся отъ толчковъ между каменя-  
 ми, и съ удивленіемъ началъ спрашивать: откуда это *явился* порогъ?  
 Днѣпръ постепенно становится быстрее. Въ шести верстахъ отъ  
 Вильнаго по срединѣ рѣки стоятъ три большіе камня, называемые  
*Разбойниками*. Здѣсь вода быстро стремится влѣво и лоцману много  
 стоитъ усилія, при дружной греблѣ, дать баркѣ должное направ-  
 леніе. Эти камни причиняли много вреда, но теперь они сорваны  
 порохомъ, или, какъ говорятъ лоцмана, *съ нихъ только сняли*  
*шапки*. Дѣйствительно только сорваны вершины, и они весьма близ-  
 ки отъ поверхности рѣки въ небольшую воду, а лѣтомъ торчатъ  
 сверху. Отъ этихъ камней Днѣпръ дѣлаетъ крутой поворотъ на-  
 право и, получая необыкновенную быстроту, течетъ словно въ кор-  
 ридорѣ, между сплошными гранитными скалами, необыкновенно  
 живописными и придающими что-то грозное этой дикой натурѣ.  
 При поворотѣ отъ *Разбойниковъ*, лоцманъ старается держаться  
 правой стороны, иначе стремленіе воды нанесетъ его на выдаю-  
 щійся утесъ на лѣвомъ берегу, названный запорожцами *школою*.  
 Миновавъ школу, барка быстро идетъ этимъ узкимъ и глубокимъ  
 корридоромъ, имѣющимъ всего 150 саж. ширины, между отвѣсными  
 утесами, и вотъ вправо живописная колонія Кичкасъ съ приета-  
 нью. Иныя барки останавливаются здѣсь, другія берутъ лоцмановъ  
 до острова Хортицы, потому что надобно еще пройти *Столбы*.  
 Это два отдѣльные гранитные утеса, образующіе какъ бы ворота,  
 проходъ сквозь которыя требуетъ искусства и сноровки. Пройдя  
 эти утесы, лоцманъ поворачиваетъ барку противъ теченія и бро-  
 саетъ якорь. Послѣ этого все становятся на колѣни и совершаютъ  
 теплую молитву. Здѣсь происходитъ замѣчательное для наблюда-  
 теля обстоятельство: съ этого момента не слышно уже каменскаго  
 лоцмана, но коренной лоцманъ барки, или какъ называютъ ка-  
 менцы—*горіжній*, который все время молча стоялъ у руля и испол-  
 нялъ приказанія, который не произносилъ слова громко, вдругъ



возвышаетъ голосъ и повелительно отдаетъ приказанія судорабочимъ, и вся фигура его принимаетъ какую-то гордую осанку.

Я описалъ плаваніе барки, но плоты, которыхъ спускается чрезъ пороги большое количество, не всегда слѣдуютъ тому же направленію. Лоцманъ, ведущій плотъ, специалистъ своего рода; онъ считается второстатейнымъ, но сколько же надо искусства и смѣливости съ этимъ нелѣпѣйшимъ и неуклюжимъ червякомъ, у котораго на обѣихъ оконечностяхъ придѣланы по двѣ большихъ бабайки (потесь) и которому надобно давать направленіе. Малѣйшій вѣтерокъ гибельнъ для плота, въ особенности, если послѣдній плыветъ серединой рѣки, и поэтому плоты держатся преимущественно береговъ и, какъ выражаются первостатейные лоцманы, любятъ цѣпляться за каждый *рожекъ* (*рогъ*, *рожекъ*—мысь). Дѣйствительно, плывя близко отъ берега и разумѣется слѣдуя за всеми изгибами рѣки, при встрѣчѣ мыска, плотъ не можетъ избѣжать, чтобы не зацѣпиться, иначе его тотчасъ же отброситъ на средину; зацѣпившись же заднимъ концемъ, онъ хоть и потеряетъ одно или два бревна, за то стремленіе опять направить его къ берегу. Любопытно и вмѣстѣ страшно смотрѣть, когда плотъ бросается въ первую гряду порога: хвостъ его еще далеко, а голова погрузилась въ омутъ, и люди стоящіе у переднихъ бабаекъ погружены по грудь въ кипящую пѣну; секунда, и весь плотъ извивается между камнями. Съ плотами и несчастья случаются гораздо чаще, чѣмъ съ барками. Если плотъ цѣпляется за мысокъ и теряетъ одно или два бревна, здѣсь не предстоитъ никакой опасности; но если зацѣпится какънибудь за камень въ порогѣ, тогда нѣтъ ему спасенія. Сбившись съ пути, онъ теряетъ фарватеръ и несется прямо чрезъ гряды камней, гдѣ бѣшеная рѣка разрываетъ его связи, ворочаетъ бревна и ломаетъ ихъ порою какъ щенки. Въ это то время погибаютъ и люди: если бы они упали только въ воду, то стремленіе вынесло бы ихъ изъ порога, но отрывающіяся бревна увѣчатъ и убиваютъ несчастныхъ. Впрочемъ, это случается не весьма часто: замѣтивъ, что плотъ, по случаю вѣтерка или по другому обстоятельству, понесло не туда куда слѣдуетъ, люди обыкновенно спасаются, но если несчастье застигнетъ въ самомъ порогѣ, тогда дѣлать нечего. Но бываютъ примѣры, что отважные лоцмана, съ сверхъестественными, можно сказать, усиліями выплываютъ благополучно и при какойнибудь неудачѣ. Здѣсь надо замѣтить, что плоты вообще снабжены дурными канатами и яко-



рями: можетъ быть, несчастья съ плотами случались бы рѣже на половину, если бы хозяева ихъ заботились о снабженіи ихъ добрымъ якоремъ и приличною снастью.

Въ прежнія времена крушеніе барокъ и въ особенности плотовъ доставляло обильное средство поживы береговымъ жителямъ, и, какъ говорятъ злые языки, многіе обстроились, благодаря этимъ несчастьямъ. Разказываютъ даже, что иные лѣсоторговцы составили этимъ капиталы, ловя разбитые плоты и продавая лѣсъ, разумѣется, по чудовищнымъ цѣнамъ. Но теперь это миновалось: за утайку каждаго бревна наложенъ огромный штрафъ, и хотя конечно обойтись безъ злоупотребленій нельзя, однакоже хозяинъ разбитаго плота соберетъ большую часть, тогда какъ прежде бѣднякъ довольствовался третьею или четвертою. Объ этомъ обстоятельстве много ходитъ разказовъ, какъ, на примѣръ, иные употребляютъ разныя ухищренія, чтобы скрыть даровой лѣсъ, пойманный на рѣкѣ, но при этомъ сообщаютъ также и уловки хозяевъ, потерпѣвшихъ крушеніе, которые, покровительствуемые закономъ, умѣютъ находить свою собственность и случается, что вырываютъ свой лѣсъ уже изъ подъ пилы похитителя.

Плоты иногда по нѣсколькимъ недѣлямъ идутъ чрезъ пороги. Малѣйшее дуновеніе вѣтра ему помѣха, и онъ долженъ, стоя на якорѣ, выжидать самой невозмутимой тишины. Весной въ каналы онъ идти не можетъ, по изъясненнымъ выше причинамъ: онъ не имѣетъ веселья, а слѣдовательно и не можетъ употребить усилій, необходимыхъ для того, чтобы попасть въ каналы. Но при малой водѣ, плоты идутъ чрезъ каналы, а при совершенномъ упадкѣ воды перевязываются въ *торжи*.

Говоря вообще, цѣль облегчить судоходство чрезъ пороги была прекрасная, и какъ видно, то и средства для этого предназначены не малыя, но исполненіе какъ то не оправдало ожиданій. При настоящемъ положеніи вещей правильное судоходство не весьма надежно, тѣмъ болѣе, что существующія пороговые сооруженія, построенныя не на фарватерѣ, не приведены къ концу, т. е. каналы не вездѣ достаточно углублены и находящіяся на новомъ ходу камни не расчищены. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени найдутся не только средства для обезпеченія безопаснаго сплава судоходства чрезъ пороги, но и ускорится окончаніе этого необходимаго сообщенія.

Все, что касается до судоходства сосредоточено, какъ уже изъ-

вѣстно  
опредѣл  
надлежа  
старше  
запоро  
обыкно  
того дѣ  
на нога  
отгрузк  
ни одн  
необык  
медаль  
нымъ  
общую  
ють ка  
ки, от  
той мѣ  
мужик  
рить з  
потеря  
везть  
въ по  
подвер  
дѣлю:  
аршин  
хода;  
норма  
она м  
разоб  
случа  
барки  
невни  
бы. Р  
лѣ и  
пользу  
проно  
брызга  
рогу,  
Двѣтр



вѣстно читателямъ, въ селеніи Лоцманской Каменкѣ. Тамъ опредѣляется мѣра груза и ни одно судно не пропускается безъ надлежащаго обмѣра и осмотра. Надо отдать справедливость старшему атаману лоцманской общины *Бойку*. Это истый типъ запорожца со всеми его многообразными отгѣнками. При необыкновенно проницательнымъ умѣ, знаніи своего дѣла, онъ до того дѣятеленъ, что во время навигаціи съ зари до зари Бойко на ногахъ: свидѣтельствуеетъ суда, обмѣриваетъ, наблюдаетъ за отгрузкой, за придѣлкой стерень, изъ которыхъ не пропуститъ ни одного, чтобы лично не подвергнуть испытанію. Повторю, необыкновенно умный и распорядительный человѣкъ. Но каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону: пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ начальства, атаманъ этотъ успѣлъ поселить всеобщую ненависть всего сословія. Какъ и почему? про то вѣдаютъ каменскіе лоцмана. Случается, впрочемъ, что иногда барки, отправляющіяся съ Каменской пристани, не отгружаются до той мѣры, до какой слѣдуетъ. Купецъ судохозяинъ,—тотъ же мужикъ, православный ли онъ или еврей, и готовъ поблагодарить за лишній вершокъ груза, не принимая въ расчетъ, что потерять барку гораздо дороже, чѣмъ перегрузить товаръ и отвезти сухопутью. Поэтому и бываетъ, что барка разбивается въ порогахъ, а тогда разумѣется виноватъ лоцманъ, который подвергается строгому взысканію. А отгрузка барки великое дѣло: если по водомѣру въ порогѣ будетъ подъ нею воды поларшина, то казалось бы и довольно для благополучнаго прохода; она конечно и прошла бы, еслибы могла сохранить свое нормальное положеніе. Но вѣдь въ порогѣ, прыгая по уступамъ, она можетъ погнуться, и какойнибудь *крутько* непременно ее разобьетъ, не смотря на искусство лоцмана. Впрочемъ подобные случаи довольно рѣдки. Недавно я былъ свидѣтелемъ крушенія барки, которая погибла въ нѣсколько минутъ не отъ недосмотра, невнимательности или злоупотребленія,—а просто по волѣ судьбы. Раннимъ утромъ я сидѣлъ вблизи Звонецкаго порога на скалѣ и смотрѣлъ въ трубу на проходившіе суда и плоты, которые, пользуясь совершеннымъ безвѣтріемъ, спѣшили въ свой путь, проносясь старымъ козачьимъ ходомъ и покрываясь пѣнистыми брызгами. Одновременно приблизилось нѣсколько барокъ къ порогу, по направленію, какъ мнѣ показалось, къ каналу. Вдругъ Двѣпръ поворонѣлъ, и я почувствовалъ какъ вѣтръ обдалъ ме-



ня, словно холодною водою. Я начал всматриваться пристальнѣе. Одна барка благополучно перешла порогъ, другая попала въ каналъ, но третья, не смотря на усилія людей, не могла уже попасть въ каналъ и не успѣла подплыть къ старому ходу: вѣтеръ сбиль ее совершенно, и она зацѣпилась за крыло канала. Въ мгновеніе обернувшись кормою впередъ, ударилась о камни стерномъ, которое отбилось, и такимъ образомъ прошла черезъ порогъ не по фарватеру, а прямо на проломъ черезъ всѣ четыре лавы. Въ отрывкахъ остановилась она внизу порога. Людей успѣли спасти, а грузъ, составлявшій все достояніе купца, заключавшійся въ желѣзѣ, канатахъ, стеариновыхъ свѣчахъ, цыкоріи, конфектахъ и т. п., погибъ въ Дибирѣ. Болѣе тяжелыя вещи потонули, а легкія поплыли внизъ, изъ которыхъ многія хотя и были переловлены, однако оказались никуда годными.

Вообще распорядительность каменскаго начальства оказываетъ пользу судоходству; желательно было бы только, чтобы община лоцмановъ получила лучшее устройство и чтобы этотъ народъ, замѣчательный по своему искусству и трудамъ, находилъ въ своемъ быту то довольство, какого можно ожидать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Съ развитіемъ низоваго пароходства и съ устройствомъ Θεодосійской желѣзной дороги, Дибиръ усилитъ свое значеніе, и нѣтъ сомнѣнія, что пароходы будутъ ходить сверху до самой Каменки. Тогда вѣроятно сплавъ черезъ пороги увеличится значительно, и въ лоцманахъ будетъ настоять большая потребность.

Въ заключеніе о каменскихъ лоцманахъ можно сказать, что это народъ скромный, послушный и необыкновенно способный къ своему дѣлу. Живя въ ихъ сообществѣ довольно часто и по много времени, встрѣчая людей разныхъ возрастовъ и характеровъ, я не видалъ межъ ними ни одного дурака, а очень умныхъ людей встрѣчалъ большое количество. Осторожны они въ высшей степени. Я имѣлъ возможность судить объ этомъ по своему хозяину. Лоцманъ этотъ человекъ разумный, примѣрный семьянинъ, необыкновенно набожный и трудолюбивый, любимъ обществомъ и пользуется извѣстностью у лѣсопромышленниковъ, которые ввѣряютъ ему плоты на большую сумму, для прохода черезъ пороги. Онъ грамотный, знаетъ превосходно порожистую часть Дибира и былъ мнѣ очень полезенъ сообщеніемъ многихъ подробностей касательно своего дѣла. Но чуть бывало заведу



рѣчь мимоходомъ о его личныхъ отношеніяхъ, о начальствѣ, онъ съ уклончивостью малоруса отдѣлывался общими мѣстами, никогда не высказываясь.

Доведа барку или плоть до мѣста назначенія, лоцмана тотчасъ же собираются въ обратный путь. Хорошій хозяинъ непременно наградить лоцмана, но бываютъ случаи, когда послѣдній получаетъ не болѣе полтинника! Ему предстоитъ семьдесятъ верстъ дороги назадъ въ Каменку, и если не имѣетъ средствъ нанять колониста-извозчика, то принужденъ возвращаться пѣшкомъ, не взирая на погоду. Но рѣдкій хозяинъ будетъ скупъ и низокъ до такой степени, чтобы не вознаградить лоцмана, и потому по береговымъ селеніямъ у шинковъ можно зачастую встрѣтить нѣсколько нѣмецкихъ фургоновъ: значить, лоцмана пируютъ послѣ благополучнаго рейса. Иногда появляется какая нибудь скрипка, и у порога танцуютъ не только лоцмана и мѣстные жители, но иногда и смѣшная съ обритыми усами фигура нѣмца въ курткѣ, картузѣ и съ коротенькой трубочкой въ зубахъ выдѣлываетъ своими неуклюжими ногами козачка, стараясь подражать граціознымъ движеніямъ молодаго лоцмана. Я говорилъ объ этомъ колонистамъ нѣсколько разъ, но мнѣ единодушно отвѣчали, что менонисты не стануть танцовать въ кабакѣ, а что это Ямпольцы (Ямполь католическая нѣмецкая колонія у Сурскаго порога). Какъ бы то ни было, а пока будетъ существовать судоходство чрезъ пороги, мѣстные лоцманы необходимы, именно потому, что они съ дѣтства приучаются къ своему трудному ремеслу и заранѣе свыкаются съ опасностями, неразлучными съ ихъ плаваніемъ. Здѣсь я попрощаюсь съ этимъ добрымъ и благороднымъ народомъ, среди котораго провелъ много пріятныхъ минутъ, и который, по моему мнѣнію, не награжденъ достойно за тяжелые труды свои.

Колонія Кичкасъ или Эйшлаге поселена у древняго Крарійскаго мыса, о которомъ упоминаютъ греческіе историки. Бопланъ тоже говоритъ о немъ, показывая впрочемъ здѣсь невѣрно ширину Днѣпра въ 150 шаговъ, которая не могла измѣниться, потому что рѣка течетъ здѣсь въ гранитныхъ берегахъ и имѣетъ ширины 150 сажень.

Колонія эта, состоящая изъ менонистовъ, поселена послѣ паденія Запорожья. Служа главною пристанью и стоя на важномъ чумацкомъ трактѣ и на большой дорогѣ изъ Екатеринослава въ



Керчь и Θεодосію, красивая деревня эта лѣтомъ набита всякаго рода проѣзжими и прохожими. Она расположена по правому берегу Днѣпра и тянется далеко по гранитнымъ скаламъ до того мѣста, гдѣ, какъ сказалъ я выше, Днѣпръ круто поворачиваетъ и гдѣ нѣмцы насыпали высокую и крѣпкую плотину, во избѣжаніе наводненія, разорившаго ихъ въ 1845 г. Чистенькіе и опрятные домики стоятъ на порядочномъ разстояніи одинъ отъ другаго, и это пространство между домами непремѣнно засажено деревьями, преимущественно бѣлою акаціею, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ, когда деревья въ цвѣту, колонія словно принарядилась въ праздничную одежду. Постройки менонистовъ все однообразны, и расположеніе домовъ одинаково; нѣкоторые разнятся только внутреннимъ убранствомъ, да и то количествомъ и качествомъ вещей, а самыя вещи расположены въ домахъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ. Подъ одной связью помѣщаются: конюшня, коровникъ, рига, сѣноваль и домъ колониста. Изъ сѣней, гдѣ отгорожена кухня и расположена разная необходимая утварь въ порядкѣ и возможной опрятности, вы войдете въ чистую свѣтлую горницу, въ углу которой стоитъ кровать съ горой тюфяковъ и подушекъ, сложенныхъ другъ на другѣ необыкновенно тщательно. Возлѣ двери въ стѣнѣ вдѣланъ шкафъ, въ которомъ разставлена посуда съ невозмутимой симметріей. У стѣнъ диванчикъ, стулья, одинъ или два стола, и—необходимая принадлежность—красивый и прочный сундукъ. На стѣнѣ висятъ деревянные часы, нерѣдко еще вывезенные изъ Пруссіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Чисто вымытый полъ посыпанъ пескомъ. Далѣе слѣдуетъ спальня, а тамъ, смотря по величинѣ дома, иногда идетъ еще комната. Черезъ сѣни тоже горница, гдѣ хозяинъ занимается какимъ нибудь ремесломъ, потому что менонистъ любить чѣмъ нибудъ заниматься. Во всехъ комнатахъ опрятность и чистота поразительныя, а мѣдъ, гдѣ только она есть, выполирована до возможной степени совершенства. Глядя на жилище менониста, можно подумать, что тамъ больше ничего и не дѣлаютъ какъ только моютъ, скоблятъ, чистятъ и полируютъ. Образъ жизни колонистовъ патриархальный, и они какъ-то рѣдко предаются веселости: сколько я замѣтилъ, въ воскресенье даже не слышно, чтобы молодежь собиралась для развлеченій своего возраста; даже школьники смиренно идутъ въ училище и обратно, не шалятъ, не дерутся, и чинно разговариваютъ, словно взрослые. Проживя разъ цѣлую недѣлю въ Кач-

касъ, я какъ ни однако я грубѣе, чуть и разнообразнѣе тащцаго валь у да хозяйской чистоты Утромъ молокомъ надобно гоны, м что служ повозку, скія ору, необыкновенно лошадемъ своего х на телѣ и для ж мается к машинимъ тей и от занимают шинахъ, сыру, ро аккуратн громозвуч возможно го выдѣл ней, не г въ иномъ вится обь и кормятъ которые т



касъ, я такъ утомился этимъ невозмутимымъ однообразиемъ, что какъ ни пріятно мнѣ было сидѣть въ свѣтлой, опрятной комнатѣ, однако я посѣщилъ въ малорусскую деревню, гдѣ жизнь хоть и грубѣе, гдѣ встрѣтили меня лишения, но въ которой люди и плачутъ и смѣются, и поютъ и пляшутъ, и пожалуй подерутся для разнообразія. А между тѣмъ я по берегамъ Днѣпра нигдѣ не видѣлъ такого довольства и трудолюбія, какъ у колонистовъ Хортицкаго округа. Я посѣщалъ не одинъ Кичкасъ и не разъ жила у менонистовъ, но мнѣ никогда не удавалось замѣтить когда хозяйка успѣвала доводить домъ свой до этой, почти голландской чистоты. Я слѣдилъ за дневными занятіями колонистовъ. Утромъ очень рано, послѣ завтрака, состоящаго изъ кофе съ молокомъ, нѣмецъ выѣзжаетъ въ поле на работу и, смотря по надобности, беретъ работника и работницу. Дышловые ихъ фургоны, можно сказать изящной работы, устроены такимъ образомъ, что служатъ и обыкновенной телѣгой, и могутъ превратиться въ повозку, на которой помѣщается три копны хлѣба. Земледѣльческія орудія, болѣе или менѣе усовершенствованныя, содержатся въ необыкновенной исправности; а лошади (менонисты работаютъ лошадьми) обладаютъ завидною полнотою и пользуются любовью своего хозяина. Отправляясь въ поле, нѣмецъ не позабудетъ взять на телѣгу кадучки съ водою, необходимой какъ для него, такъ и для животныхъ. Хозяйка въ это время не только сама занимается какимъ нибудь дѣломъ, но и задаетъ работу всѣмъ домашнимъ отъ мала до велика, обмывъ и причесавъ малыхъ дѣтей и отправивъ нѣкоторыхъ въ школу. Нѣмки преимущественно занимаются сборомъ молока, которое собираютъ онѣ не въ кувшины, но въ мискахъ, пахтаньемъ отличнаго масла, выдѣлкою сыру, роются въ огородѣ и потомъ принимаются варить обѣдъ, аккуратно посматривая на часы, обладающіе иногда такимъ громозвучнымъ колоколомъ, что терять ихъ звонъ нѣтъ никакой возможности. Молоко всегда въ изобилии; кромѣ того, что изъ него выдѣлываются сыръ и масло, хозяйка поитъ имъ даже свиней, не говоря, что наливаетъ полную миску кошкамъ, которыхъ въ иномъ домѣ собирается нѣсколько штукъ. У нѣмцевъ мнѣ нравится обыкновеніе, что они не забрасываютъ бѣдныхъ котятъ и кормятъ ихъ постоянно. Это противоположность съ евреями, которые таже не забрасываютъ котятъ, изъ скуности потерять



что бы то ни было имъ принадлежащее, но и не кормятъ ихъ, въ силу той же добродѣтели.

Колонисты съ любовью и успѣхомъ занимаются шелководствомъ, а потому разводятъ много тутовыхъ деревьевъ. Между колонистами есть разнаго рода ремесленники, и произведенія ихъ рукъ, не смотря иногда на свою грубость, не могутъ быть заподозрѣны въ недобросовѣстности. Менонистъ говоритъ, что даже если бы я и не хотѣлъ быть честнымъ, то надобно быть честнымъ, и вслѣдствіе этого правила рѣдко встрѣчаются примѣры мошенничества и плутовства—качества, такъ тѣсно связанныя съ нашими ремесленниками, конечно не безъ исключеній.

Въ Кичкасѣ есть лѣсная пристань, принадлежащая колонисту Генрихсону, извѣстному въ окрестности подъ именемъ Корнѣя Корнѣича, который снабжаетъ лѣсомъ не только менонистовъ своего округа и сосѣднія селенія, но и колонистовъ Таврической губерніи, поселенныхъ по рѣкѣ Молочной. Пристань Генрихсона въ большомъ порядкѣ и отличается доброкачественнымъ лѣсомъ: купецъ этотъ ѣздитъ самъ въ Екатеринославъ и дальше вверхъ для закупки барокъ и плотовъ, и честностью своею беретъ перевѣсъ надъ многими лѣсными торговцами, которые гораздо богаче его, но пускаютъ въ ходъ различныя продѣлки, недостойныя порядочнаго человѣка. Корнѣй Корнѣичъ большой оригиналъ и необыкновенно интересно рассказываетъ о лѣсной торговлѣ и о лицахъ, ведущихъ ее по извѣстной ему мѣстности. Онъ порядочно разбогатѣлъ и купилъ много земли, на которой успѣшно занимается скотоводствомъ, овцеводствомъ и хлѣбопашествомъ.

Въ Кичкасѣ есть также двѣ лавочки, въ которыхъ мѣстные покупатели находятъ все для удовлетворенія своихъ мѣстныхъ потребностей, начиная отъ кофе и сахару до ситцу и каленкору, отъ ножа и замка до дѣтской игрушки. Разницы въ цѣнахъ я не замѣтилъ съ цѣною этихъ же товаровъ въ окрестныхъ городкахъ.

Зажиточные нѣмцы получаютъ Рижскую газету (Rigasche Zeitung) и кромѣ того, что непременно толкуютъ между собою о политикѣ за кружкою пива, но считаютъ обязанностью поговорить и съ каждымъ пріѣзжимъ о современныхъ событіяхъ. При совершенномъ невѣдѣніи статистики и при самыхъ темныхъ понятіяхъ о географіи, иной толстѣй колонистъ рассказываетъ уморительныя вещи, и въ жару бесѣды, за неимѣніемъ болѣе

убѣди  
не м  
дорог  
ствен  
своем  
гдѣ  
ной  
сты  
въ д  
ности  
на с  
Керч  
ко го  
пода  
томъ  
фран  
ствіи  
рица  
дѣйс  
увѣр  
въ ж  
фраз  
рилъ  
чрезъ  
оправ  
да не  
молоч  
жели  
действ  
говор  
Но  
щи, п  
селясь  
ностей  
услов  
которо  
(\*) Во  
потому  
свою ро



убѣдительныхъ доказательствъ, чертить по столу пивомъ положеніе мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Смотри на эти мокрыя дорожки, не имѣющія никакого смысла, другой нѣмецъ торжественно опровергаетъ своего сосѣда и старается перечертить по своему. Изъ этого выходятъ презанимательные споры о томъ, гдѣ какая страна свѣта. Однажды я присутствовалъ при подобной бесѣдѣ, возникшей по поводу минувшей кампаніи. Колонисты рассказывали мнѣ какъ они доставляли, кажется, провіантъ въ дѣйствующую армію, сообщая при этомъ интересныя подробности о провіантскихъ чиновникахъ. Одинъ колонистъ начертилъ на столѣ часть Крымскаго полуострова такимъ образомъ, что Керчь приходилась на одномъ меридіанѣ съ Севастополемъ, только гораздо южнѣе, а Симферополь стоялъ между этими городами, подаваясь на западъ. Но гораздо интереснѣе былъ рассказъ о томъ какъ прусскій король (\*), встрѣтивъ однажды императора французовъ на гуляньѣ въ Берлинѣ, остановился и въ присутствіи всѣхъ гуляющихъ произнесъ ему энергическую рѣчь, порицая нападеніе на Россію. Колонистъ вдохновился, и если дѣйствительно нелѣпость эта занесена была въ колоніи, то я увѣренъ, что собесѣдникъ мой присочинилъ большую половину въ жару своего краснорѣчія. Никогда не забуду я послѣдней фразы: «Ты думаешь, что недопустишь кофе въ Россію, говорю будто бы прусскій король, ошибаешься—я пропущу его черезъ свои границы». Послѣ такой рѣчи Наполеонъ началъ оправдываться, обвинялъ Англію и увѣрялъ, что больше никогда не будетъ. Впрочемъ политикъ этотъ былъ какой-то пріѣзжіи молочанецъ и говорилъ болѣе чистымъ нѣмецкимъ языкомъ нежели прочіе колонисты, употребляющіе обыкновенно *платз дейчз*. Всѣ они, однакоже, за исключеніемъ женщинъ, хорошо говорятъ по малорусски.

Но я никогда не могъ помириться съ ними относительно пищи, потому что поплатился за нее страшной лихорадкой. Поселясь въ Кичкасѣ лѣтомъ прошлаго года, для изученія окрестностей, я просилъ свою хозяйку приготовить мнѣ обѣдъ за условленную плату. Она изъявила свое согласіе и спросила, въ которомъ часу я обѣдаю. Отправляясь изъ дому съ утра и по-

(\*) Всѣ менонисты отзываются о прусскомъ королѣ съ особеннымъ уваженіемъ, потому что предки ихъ вышли изъ Пруссіи; есть еще старики, которые помнятъ свою родину. А. Ч.



завтракавъ гдѣ нибудь въ окрестности однимъ хлѣбомъ безъ всякой примѣси, я возвращался домой часамъ къ пяти, съ запахомъ большого аппетита. Въ первый день, въ назначенный часъ и минуту не успѣлъ я снять дорожной сумки, какъ уже на столѣ у меня стояла миска и былъ приготовленъ довольно приличный приборъ. Меня изумило, однако же, что вмѣсто обыкновеннаго супу въ мискѣ было молоко. Голодному впрочемъ разсуждать нечего. Пробую, непротивно, но со дна миски вытаскиваю ложку вишень.

— Что это? спрашиваю.

— *Кириенъ-зуппе*, отвѣчаетъ хозяйка.

Сочетаніе вишень съ молокомъ показалось мнѣ немного страннымъ, но я, утоливъ первоначальный голодъ, спросилъ себѣ пить. Мнѣ подали стаканъ густыхъ сливокъ. Я подумалъ, что можетъ быть дѣйствительно послѣ киршъ-зуппе не слѣдуетъ употреблять другаго питья и опорожнилъ стаканъ. Второе блюдо было жирнѣйшая и превкусная ветчина, въ родѣ вестфальской, которую колонисты готовятъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Послѣ ветчины слѣдовало жаркое съ какимъ то сладкимъ соусомъ.

— Герръ доволенъ обѣдомъ? спросила хозяйка.

— Очень, только нельзя ли готовить другой супъ, и вмѣсто сливокъ подавать для питья воду.

На другой день снова былъ поданъ молочный супъ, но уже не съ вишнями, а съ какимъ-то другимъ плодомъ, изрѣзаннымъ въ мелкіе кусочки.

— Что это? спрашиваю.

— *Бирнъ-зуппе*.

Это значитъ—молоко сварено съ недозрѣлыми грушами, упавшими съ дерева, но похлебка показалась мнѣ съ голоду по крайней мѣрѣ не противна. Потомъ по обычаю слѣдовали ветчина и жаркое.

Я снова просилъ перемѣнить супъ и пояснилъ, что желалъ бы съ картофелемъ; на слѣдующій день супъ былъ точно съ картофелемъ, но свареннымъ на молокѣ, и который прежде чѣмъ понасть въ супъ былъ предварительно сжаренъ въ маслѣ. Однимъ словомъ, за эту пищу я заплатился жестокой крымской лихорадкой, и уже послѣ того, бывая въ колоніяхъ, самъ тщательно опредѣляю матеріалы для своего обѣда, и даже купилъ себѣ въ Одессѣ поваренную книгу, хотя она оказывается для

меня  
обжор  
лодь.  
жарен  
Вечер  
рода  
котор  
скіе  
Ко  
мужч  
ская  
жаго  
ными  
сапог  
краш  
допот  
саму  
оберт  
щій  
карет  
а да  
ся оч  
что  
но пр  
Въ  
стар  
зуете  
словн  
нѣме  
проч  
тарав  
выхъ,  
нихъ  
кой п  
Жи  
ство  
один  
колон  
интер



меня совершенно бесполезною. Въ Кичкасѣ существуетъ родъ обжорнаго ряда возлѣ кабака, гдѣ можно конечно утолить голодь, но пища, продаваемая на этомъ базарѣ, состоящая изъ жареной рыбы или мяса, не привлекаетъ своей наружностью. Вечеромъ это мѣсто интересно по случаю большаго стеченія народа, и тамъ можно видѣть иногда разгулявшихся чумаковъ, которые съ необыкновеннымъ искусствомъ исполняютъ малорусскіе танцы.

Колонисты курятъ табакъ и страстные до него охотники. Какъ мужчины, такъ и женщины, одѣваются весьма некрасиво. Мужская одежда состоитъ изъ куртки, жилета и штановъ неуклюжаго покроя; лѣтомъ мужчины ходятъ въ туфляхъ съ деревянными подошвами, но во время грязи и зимою обуваются въ сапоги. Женщины носятъ общипанныя платья ситцевыя или изъ крашенины, а выходя на улицу, надѣваютъ соломенные шляпки допотопнаго покроя. Я посѣщаль пять колоній и въ томъ числѣ самую знаменитую—Нижнюю Хортицу, въ которой находится оберъ-шульцъ, гдѣ живетъ отличный часовой мастеръ, поставляющій часы во все колоніи, и гдѣ можно найти превосходнаго каретника—но не встрѣчалъ не только ни одной хорошенькой, а даже сносной женщины, между тѣмъ какъ мужчины попадаются очень красивые. Выходить не всегда справедливо повѣрье, что на большихъ рѣкахъ встрѣчаются красавицы преимущественно предъ прочими мѣстностями.

Въ этихъ колоніяхъ удивительный порядокъ. *Шульцъ* (нашъ старшина), избираемый изъ числа порядочныхъ хозяевъ, пользуется уваженіемъ, и распоряженія его исполняются безпрекословно. Лошади доставляются чрезвычайно скоро, даже и при нѣмецкой неповоротливости, лишь; бы только случился писарь прочесть открытый листъ; но путешествующему въ своемъ тарантасѣ можетъ встрѣтиться важное неудобство. Во первыхъ, нѣмцы не умѣютъ запрягать въ оглобли, а во вторыхъ у нихъ во всей колоніи не отыщется дуги, такъ что за этой штукой приходится посылать въ сосѣднюю малорусскую деревню.

Жители Кичкаса не занимаются судоходствомъ, да и рыболовство у нихъ въ совершенномъ пренебреженіи: во всей колоніи одинъ порядочный рыбакъ, онъ же и лоцманъ, Якубенко. Этотъ колонистъ, усвоившій нѣмецко-малорусскую фамилію, умный и интересный человѣкъ, который превосходно знаетъ мѣстность и



обладаетъ обширными свѣдѣніями касательно первоначальной колонизаціи. Его отецъ былъ первымъ поселенцемъ на островѣ Хортицѣ.

Въ Кичкась приходятъ снизу на своихъ лодкахъ Никопольскіе вольные матросы, о бытѣ которыхъ, также какъ и объ ихъ судоходствѣ, я представлю въ свое время подробное описаніе.

Выходъ  
Вознесенска

Хотя, кажется, устье реки, словно и скала, вѣнчанія чина заборами тамъ и подъ водою судна не въ такомъ случаѣ на всеобщее огибающа, но за то къ Алексею вольно за Хортицѣ, самъ островомъ руссы при весеніи ж Хортицкою весною, вѣнчанія дѣла гранита.